

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ 1930-х ГОДОВ

М.И. ВАРФОЛОМЕЕВА

Белгородский государственный университет

Данная статья посвящена репрессивной политике советской власти в 30-е годы XX века. Автор использует архивные материалы Центрального Черноземья, позволяющие выявить причины и последствия репрессивной политики Советского государства.

Особенности репрессивной политики советского государства в 30-е годы. Идеино-политическая борьба во властных структурах была завершена.

В 30-е гг. XX в. наблюдается относительное ослабление репрессивной политики и начало восстановления справедливости в отношении невинно осужденных граждан с 1938-1939 гг. Именно тогда рядом распоряжений партии и правительства, опять таки секретных, массовые аресты были приостановлены, стали не только пересматриваться уголовные дела и прекращаться за отсутствием события или состава преступления, но и выноситься оправдательные приговоры.

И здесь возникает закономерный вопрос: почему массовые репрессии и чистки прекратились, и почему Сталин пошел на этот шаг?

В результате массовых политических репрессий, пик которых пришелся на 1937-1938 гг., в руководстве партии произошло полное перераспределение власти из рук старой гвардии в руки партийной молодежи, выдвинутой непосредственно Сталиным, достигшим, наконец, самой высшей власти. В ходе социальных потрясений невиданных до этого масштабов возникла новая иерархическая социальная структура, основанная на системе партийных номенклатурных назначений. Каждый мог рассчитывать на продвижение по службе, потому что ежедневно кого-нибудь вырывали из обыденной жизни, и его место занимал другой. Неопытные и часто очень молодые представители новой элиты получили необъятную власть, но им все еще недоставало традиций и легитимности. В известном смысле самым опасным врагом нового класса был его создатель Сталин и контролируемые им органы государственной безопасности. Несомненно, были достигнуты и другие цели «большой чистки»: уничтожены многие инакомыслящие и сомневающиеся, запугано общество в целом. Объекты быстрой растущей индустрии НКВД получили сотни тысяч новых рабов.

Одновременно, массовые аресты нанесли тяжелый урон промышленности, сельскому хозяйству, работе партийного и советского аппарата. Они достигли такого размаха, что начали угрожать научно-промышленному и военному потенциалу страны. Сказывались репрессии и на политических настроениях в стране. Единственно разумным решением в сложившихся обстоятельствах условиях была попытка овладеть ситуацией. Поэтому наблюдаются признаки некоторого относительного ослабления репрессивной политики в течение всего 1938 г.

Уже в январе 1938 г. пленум ЦК компартии принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков». В нем ответственность за необоснованные массовые исключения коммунистов из партии, что практически всегда означало в дальнейшем арест, была возложена на местные партийные организации, в которых «укоренились не только карьеристы, стремившиеся на этих исключениях выдвинуться, но немало было и врагов народа»¹. Таким образом, ответственность за репрессии снималась со Сталина и его окружения.

Чтобы окончательно себя оправдать, Сталин предложил создать комиссию по проверке деятельности НКВД СССР, введя туда начальника Управления кадров ЦК ВКП (б) Г. Маленкова и Л. Берия, назначенного в августе 1938 г. заместителем наркома внутренних дел СССР.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат. 1992. Т. 7. С.8-17.

По предложению комиссии 17 ноября 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем отмечалось, что в 1937-1938 гг. органы НКВД под руководством партии проделали большую работу по разгрому врагов народа и шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок. И, хотя, вновь вся вина за массовые репрессии перекалывалась на врагов народа, пробравшихся в этот раз уже в органы Прокуратуры и НКВД СССР, которые «сознательно извращали советские законы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям, и, даже вообще без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, пытались уйти от партийного контроля и руководства, и, тем самым, облегчить себе и своим союзникам возможность продолжения своей антисоветской подрывной деятельности»², в постановлении открыто говорилось о необоснованности многих арестов, фальсификации дел органами безопасности, слабости прокурорского надзора. Определялись меры по укреплению законности. В частности, запрещалось органам НКВД и Прокуратуры СССР «производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. Аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора»³. Цитируемый документ стал первой ласточкой растянувшегося на десятилетия процесса реабилитации жертв массовых политических репрессий.

Одновременно с целью укрепления органов НКВД было принято постановление ЦК ВКП (б) «О работниках для НКВД СССР»⁴, в котором Управлению кадров ЦК ВКП (б), лично Маленкову, предписывалось подобрать группу партийных и комсомольских работников для работы в органах государственной безопасности. Тем самым предопределялась «чистка» и замена кадров в органах государственной безопасности, что, прежде всего, означало увольнение тех сотрудников, кто служил с Ежовым, и проводил массовые репрессии в 1936 - 1938 гг. (Ранее, в августе 1938 г., Ежов был назначен наркомом речного флота, что уже можно было рассматривать как первый шаг к его постепенному отстранению от дел).

А 8 декабря 1938 г. «Правда» сообщила о том, что Ежов «по собственной просьбе» освобожден от исполнения обязанностей наркома внутренних дел СССР и заменен на этом посту Берией. Характерно, что в письме на имя Сталина Ежов признавал в качестве своих недостатков засоренность кадров органов государственной безопасности карьеристами и вражескими элементами и фактический разгром им внешней разведки⁵.

Сразу же после смещения Ежова были арестованы, а затем и расстреляны его ближайшие помощники - Фриновский, Заковский, Реденс. Расстреляны были и руководители отделов наркомата внутренних дел, многие начальники областных управлений НКВД, начальники тюрем и лагерей, следователи, непосредственно фальсифицировавшие уголовные дела. Возникает противоречие: с одной стороны, следователи расстреляны за фальсификацию дел, с другой стороны, приговоры по этим делам остались в силе. Отсюда можно сделать вывод, что физическое устранение исполнителей репрессий преследовало главную цель - замести следы произвола.

Важным звеном в процессе свертывания репрессивной политики явилось принятие в 1938 г. нового Закона о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик и перестройка судебной системы в соответствии с этим законом. Несмотря на диктат правящей партии, провозглашение независимости суда и подчинение его только закону воспринято было большинством работников судов и прокуратуры как поворот в судебной практике к соблюдению законности, в том числе и при рассмотрении дел по политическим статьям.

Определенные изменения претерпели и судебные заседания военных трибуналов и Военной коллегии Верховного суда СССР, отличавшиеся ранее кощунствующей формальностью и завершавшиеся за 10-15 минут. Так, 22 июля 1939 г. судебное заседание военного трибунала Орловского военного округа по рассмотрению дела по обвинению в контрреволюционной бывшего редактора «Курской правды» В.И. Князева, хотя и проходило за закрытыми дверями, без участия защиты и свидетелей, но продолжалось более трех часов. Суд отказал Князеву в вызове дополнительных свидетелей ввиду того, что все они осуждены и отбывают наказание. Как следует из протокола заседания, было не только оглашено обвинительное заключение, но и подробно выслушаны показания подсудимого, в том числе и касающиеся да-

² РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 85.

³ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 86.

⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 1.

⁵ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 82-84.

чи показаний на предварительном следствии под влиянием физического воздействия. В последнем слове он просил проверить весь следственный материал, ибо «не был контрреволюционером и не подозревал в этом работавших с ним лиц»⁶. Хотя Князев был приговорен к расстрелу, ему позволили обжаловать в кассационном порядке решение военного трибунала. И Военная коллегия Верховного суда СССР заменила ему высшую меру наказания на 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

В декабре 1938 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ВКП (б) «О порядке согласования арестов». С этого момента разрешения на аресты депутатов Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик предписывалось согласовывать с председателем президиумов соответствующих Советов. Арестовать руководящий работников наркоматов, центральных учреждений, ученых, профессоров, военнослужащих разрешалось только по согласованию руководства НКВД СССР с соответствующими народными комиссарами. На аресты членов и кандидатов ВКП (б) требовалось согласие первого, а в его отсутствие второго, секретаря районного, городского, краевого, областного комитета или ЦК компартии по принадлежности. Это вселяло, пусть и относительную уверенность «номенклатуры» в ее защищенности. В результате ограничивалась деятельность органов безопасности. Хотелось бы привести такой факт, еще весной того же, 1938 г. чекистам ничего не стоило арестовать, а потом и расстрелять по сфабрикованному обвинению председателя Курского облисполкома И.Я. Смирнова, «единодушно избранного 12 декабря 1937 года депутатом Верховного Совета СССР». Уже после первого допроса, «умело» проведенного следователем Виленским, награжденного орденом Красной Звезды за выполнение ответственных заданий партии и в связи с 20-летием органов ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР, а, позднее уволенного из них, Смирнов «чистосердечно признался» в своей контрреволюционной деятельности. Признался и в том, что он

«являлся участником антисоветской организации, занимался вредительством и готовил покушение на Сталина и членов правительства»⁷.

Приход Берия в руководство НКВД СССР совпал с первой волной реабилитации. Уже во второй половине 1938 г. были освобождены несколько десятков человек, признанных арестованными безвинно. Это событие вызвало массу слухов. Слухи ширились, раздувались, создавая иллюзию массового освобождения, порождая в обществе эйфорию надежды. Дело в том, что 26 декабря 1938 г. вышла Директива наркома внутренних дел Берия и Прокурора СССР Вышинского о рассмотрении жалоб на решения троек 1937-1938 гг. и о пересмотре следственных дел по этим жалобам. Она дала право начальникам союзных, автономных НКВД, а также краевых и областных управлений НКВД в случае признания неправильности вынесенного решения и необходимости его отмены выносить постановления о прекращении дела. Не слишком многочисленные факты реабилитации 1939-1940 гг., явившиеся следствием этой директивы, в народе называли «бериевскими».

Наметившаяся тенденция к ослаблению репрессивной политики нашла свое подтверждение на XVIII съезде ВКП (б), проходившем в марте 1939 г. На этом съезде не было ни споров, ни бурных обсуждений, ни критики происшедшего в партии за отчетный период. Делегаты от первичных парторганизаций были способны лишь петь дифирамбы Сталину, которому были обязаны своим карьерным ростом, и который оставался единственным из крупных деятелей поколения старых большевиков, тех, кто играл в партии важную роль еще со времен Октябрьской революции. Новые кадры приходили к власти в трех областях: управлении экономикой, правительстве и партии. Но все три сферы были тесно связаны и в некотором смысле дублировали друг друга. К тому же все «новые люди» были, прежде всего, членами партии и рассматривали любое назначение как очередное партийное поручение. Каждый из выдвинутых мог рассчитывать на быстрое продвижение по службе. А тот, кто становился частью номенклатурной системы, получал такие привилегии, о которых большинство населения страны могло только мечтать: просторные квартиры, медицинское обслуживание, специализированные магазины и распределители. Но система номенклатурных списков, утверждаемых НКВД СССР и кадровыми управлениями соответствующего уровня, позволяла осуществлять контроль над любой партийной или профессиональной должностью в стране. Когда чиновник смещался с

⁶ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. АУД. Д. П-6493. Л. 67.

⁷ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. АУД. Д. П-4208. Л. 121.

должности, а тем более исключался из партии, или арестовывался, и он, и его семья теряли все свои привилегии.

Выступая на съезде Сталин, отметил, что чистки 1933-1936 гг. были, неизбежными и положительно сказались на состоянии партии, в то же время был вынужден признать, что их проведение сопровождалось многочисленными ошибками. Его заявление, что в новых чистках необходимости уже нет, стало в определенной степени программным для органов прокуратуры, суда и государственной безопасности. Нельзя не отметить, что Жданов вновь всю ответственность за «ошибки» возложил на местные партийные органы⁸.

Важным является то, что массовые чистки были осуждены. XVIII съезд ВКП (б) утвердил новую, более «демократичную» редакцию партийного устава. Условия приема и длительность кандидатского срока становились впредь едиными для всех и не зависели от социального происхождения вступающих. узаконивал право на обжалование, а, следовательно, и на восстановление в партии.

В 1938-1940 гг. была проведена показательная реабилитация: восстановлено в партии 164800 чел.⁹, приостановлены массовые аресты, прекращена деятельность «троек» в центре и на местах. В качестве органа внесудебной репрессии сохранилось только Особое совещание при НКВД СССР. 26 ноября 1938 г. Берия подписал приказ о порядке осуществления требований постановления «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Распоряжением нового наркома внутренних дел запрещалось производство каких-либо массовых операций по арестам, отменялся упрощенный порядок расследования. Было предписано производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора, ликвидировались «тройки». А 9 ноября 1939 г. НКВД СССР издает приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД», предписывающий освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране, установить строгий контроль над соблюдением всех уголовно-процессуальных норм.

Как свидетельствует «Докладная записка о работе следственной части управления НКВД за 1939 год»¹⁰, курскими чекистами были проведены «оперативно-следственные мероприятия, обеспечивающие немедленное устранение недочетов и извращений, имевших место в 1933-1938 годах».

С этой целью все следственные дела, оставшиеся незаконченными на 1 января 1939 г., вернули к доследованию для «тщательной проверки доказательств обвинения, предъявленного арестованным, выполнения в процессе доследования соответствующих мер УПК РСФСР».

На 1 января 1939 г. в производстве следственной части УНКВД по Курской области находилось материалов на 834 обвиняемых, из них:

арестованных в 1937 г. - 148 чел.;

арестованных в 1938 г. - 686 чел.

Кроме того, в органах прокуратуры и судах оставалось на рассмотрении следственных дел на 1478 обвиняемых. Это предполагало возможность возвращения части этих дел на доследование в УНКВД, так как «большинство из них были закончены и переданы по подсудности в период, когда следственная работа еще не была перестроена по-новому и расследование по делам производилось упрощенными способами с наличием существенных недочетов и извращений методов следствия». И, действительно, на доследование вернулось 306 материалов. Всего за время с 1 января 1939 г. по 1 января 1940 г. управлением НКВД по Курской области было завершено следственных дел, возбужденных в 1937-1938 гг., на 903 обвиняемых. Из них 400 было осуждено на разные сроки, в том числе: областным судом - 265, военными трибуналами - 51, Особым совещанием при НКВД СССР - 84 обвиняемых. Следственные дела на 503 обвиняемых были прекращены: управлением НКВД по Курской области - на 348, областным судом - на 97, военным трибуналом - на 20, прокуратурой - на 38 обвиняемых.

Анализируя прекращенные дела, следователи УНКВД по Курской области отмечали такие нарушения законности как содержание арестованных под стражей без санкции прокурора, отсутствие в делах данных для дальнейшего ведения следствия, не проведение в течение нескольких месяцев допросов обвиняемых. По другим следственным делам, в

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат. 1985. Т. 5. С.366.

⁹ Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Суровые испытания. М., 1995. С.49.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп 3. Д. 8 (1940 г.). Л. 121.

результате дополнительного расследования устанавливалась необоснованность проведенных арестов и отсутствие доказательств обвинения.

Для пересмотра решений бывшей тройки УНКВД, рассмотрения и проверки жалоб осужденных при следственной части управления была создана специальная группа из квалифицированных сотрудников, которой изучено 1550 архивных дел. Результаты проверки таковы: оставлено решений в силе - 1167, срок наказания сокращен - 99 осужденным, освобождено за прекращением дел - 344 человек, в том числе и Я.Е. Козлов. 12 декабря 1936 г. бюро Конышевского райкома ВКП (б) исключила из членов партии бывшего председателя Юрьевского сельсовета Я.Е. Козлова «за потерю партийных документов и как троцкиста».

21 мая 1937 г. специальная коллегия Курского областного суда признала Козлова виновным в том, что «он на торжественном заседании, посвященном 19-й годовщине Октябрьской революции, допустил нездоровое в политическом отношении высказывание, и приговорила к лишению свободы сроком на 5 лет с поражением в избирательных правах на 3 года»¹¹. В связи с тем, что в деле отсутствовали достаточные доказательства виновности Козлова, и оснований для предания его суду не имелось, управление НКВД по Курской области 1 июня 1940 г. уголовное дело прекратило с освобождением его из-под стражи. А вот в партии он был восстановлен спустя пятьдесят лет. Посмертно.

В целом, по подсчетам В.П. Попова, к началу 1940 г. количество заключенных в СССР несколько снизилось, что явилось следствием ослабления репрессивной политики. В общей сложности в 1939-1940 гг. по политическим мотивам всеми судебными и внесудебными органами было осуждено 135 тыс. 695 чел., что почти в 10 раз меньше, чем в 1937-1938 гг., когда к уголовной ответственности было привлечено 1 млн. 344 тыс. 923 чел.

Еще более существенным стало снижение выносимых «расстрельных» приговоров. В 1939-1940-х гг. к смертной казни по обвинениям в контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлениях было приговорено 4201 чел. (в 1937-1938 гг. - 681692 чел.)¹². В Курской области в 1939-1940-х гг. было осуждено 610 чел.¹³ В то время, как только в ходе специальной операции, объявленной приказом НКВД СССР № 00447 «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов» и осуществленной с 6 августа по 31 декабря 1937 г., пострадало 8354 чел.¹⁴ Смягчение репрессивной политики в 1939-1940-х гг. выразилось также в довольно резком увеличении числа оправдательных приговоров, о чем год назад не приходилось и мечтать. Так, в Курской области было вынесено 5 оправдательных приговоров в 1939 г. и 3 - в 1940 г.¹⁵

В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) «О работниках для НКВД СССР» и соответствующего приказа Берии № 59 от 3 мая 1939 г. продолжалась чистка органов НКВД. По компрометирующим материалам из управления НКВД по Курской области в 1939-1940-х гг. было уволено 13 чел., из них 8 - номенклатуры НКВД СССР¹⁶.

По некоторым пересмотренным следственным делам были установлены прямые подлоги и фальсификации. Так, бывший начальник Томаровского райотделения УНКВД сержант госбезопасности Махов вместе со своим подчиненным Ленским в июле 1937 г., при проведении следствия «по делам на бывших кулаков, репрессированных в порядке проводившихся в то время массовых операций, сфабриковали материалы о якобы вскрытой и ликвидированной повстанческой организации»¹⁷. Были арестованы и привлечены к уголовной ответственности 110 чел. Проведенной проверкой установлено, что «Махов и Ленский, мерами физического воздействия вынуждали арестованных подписывать заранее составленные показания об участии обвиняемых в антисоветской организации, составляли показания свидетелей от имени лиц фактически не допрашивавшихся, сами ставили на этих протоколах подписи, приобщали в дела фиктивные документы о якобы

¹¹ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. АУД. Д. П-1354.

¹² Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923 – 1953: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28.

¹³ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3.

¹⁴ Карнаевич В.Г., Раков В.В. О репрессиях 1937 года (на материалах Курской области)

// Юг России в прошлом и настоящем история, экономика, культура. Материалы международной практической конференции. Белгород. БелГУ. 1998. С.91.

¹⁵ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3.

¹⁶ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3.

¹⁷ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3.

кулацком прошлом обвиняемых». Махов и Ленский предстали перед Военным трибуналом войск НКВД СССР.

Среди осужденных к высшей мере наказания значится и бывший заместитель начальника УНКВД по Курской области Симановский. Он принимал самое активное участие в разоблачении созданного воображением местных чекистов «Объединенного правотроцкистского блока», возглавляемого бывшими секретарями обкома партии Ивановым, Ушеренко и председателем облисполкома Царевым¹⁸. Симановский обвинялся в том, что «являлся участником антисоветской заговорщической организации, существовавшей в органах НКВД, и по ее заданию проводил вражескую подрывную деятельность» в оперативно-следственной работе УНКВД Московской, Курской, Орловской областях и ДмитЛаге НКВД СССР. В ходе проведения операции «по изъятию контрреволюционных элементов проводил необоснованные аресты, широко применял запрещенные законом извращенные методы ведения следствия: фальсификацию следственных документов и избивание арестованных и т.д.»¹⁹

Обращает на себя внимание еще одна особенность первой реабилитации: руководящих работников, следователей расстреляли за фальсификацию дел, а приговоры по этим сфабрикованным делам остались в силе и сами дела не пересматривались. Военным трибуналом войск НКВД Курской области 20 ноября 1939 г. бывший начальник Мценского РО УНКВД по Орловской области Пикалов был осужден к 7 годам исправительно-трудовых лагерей. В приговоре отмечалось, что Пикалов, «руководя специальной операцией по изъятию кулацкого и другого контрреволюционного элемента в 1937-1938 годах по Мценскому району, встал на преступный путь извращения революционной законности и методов ведения следствия, создал систему массовых необоснованных и без наличия каких-либо компрометирующих материалов арестов граждан». Вместе с ним судили ряд других сотрудников и лжесвидетелей. Одновременно из-под ареста освободили 158 жителей Мценского района. Справедливость вроде восторжествовала. Но большинство неправосудных решений остались в силе. Жертвы беззакония еще долго продолжали носить клеймо врагов народа, страдали их родные. Более того, 9 декабря 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР вынес решение о помиловании Пикалова и снятии с него судимости! Режим остался верен себе. Игра в законность закончилась. В жертву были принесены наиболее одиозные фигуры политического сыска, слишком много знавшие, а потому опасные для режима и названные «пробравшимися в ряды НКВД вражескими элементами».

Следует отметить, что изменения в политическом курсе произошли, масштабы репрессий ограничились, однако полностью не прекратились. Они и не могли прекратиться. Слишком тяжелыми были удары, нанесенные партии и обществу, чтобы можно было говорить о сколько-нибудь реальной демократизации. В феврале 1939 г. Берия санкционировал расстрел большой (413 чел.) группы партийных, советских, комсомольских, хозяйственных и военных работников.

Карательные меры не способствовали улучшению положения в организации производства, подготовке квалифицированных кадров. Именно в силу этих особенностей, в конце 1930-х годов были приняты новые репрессивные законы в промышленности, усилилась борьба с «разбазариванием колхозных земель», введена погектарная разверстка заготовок в деревне. Постановлением СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного и социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» (28 декабря 1938 г.) ужесточались меры ответственности за нарушения трудовой дисциплины. За опоздание на 20 минут любой рабочий или служащий мог быть уволен. Указом от 26 июня 1940 г. устанавливался 8-ми часовой рабочий день при семидневной рабочей неделе, запрещался самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Рабочее время каждого трудящегося увеличивалось в среднем на 33 часа в месяц. «Самовольный уход с предприятия карался тюремным заключением на срок до четырех месяцев, прогул без уважительной причины - осуждением к исправительно-трудовым работам по месту рабо-

¹⁸ Карнасевиц В.Г. Дело объединенного правотроцкистского блока // История и культура: прошлое и современность. Материалы докладов и сообщений Второй заочной научно-методической конференции. Курск. КГПУ. 1999. С. 46.

¹⁹ Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Орел. 1994. С.36.

ты на срок до шести месяцев с удержанием до 25 % заработной платы»²⁰. Указ от 10 июля 1940 года приравнял к вредительству со всеми вытекающими отсюда последствиями выпуск недоброкачественной продукции.

В 1939-1941 гг. сохранился и порядок осуждения по спискам, хотя при этом и претерпел изменения. В случаях, когда предполагалось осуждение «в порядке Закона от 1 декабря 1934 года», нарком внутренних дел, иногда вместе с Прокурором СССР, подавал на имя Сталина записку с просьбой о соответствующей санкции. В записке чаще всего указывалось точное число подлежащих расстрелу и осуждению в лагеря, к ней прилагались, как правило, списки намеченных к осуждению. На основании этой записки Политбюро издавало формальное постановление, после чего Военная коллегия ВС СССР рассматривала дела на своих заседаниях²¹. Впрочем, надо заметить, что в этот период Военная коллегия обладала все-таки определенной долей свободы, и время от времени некоторые дела она отправляла на доследование, иногда меняла и меру наказания. Такие случаи обязательно согласовывались Сталиным.

Продолжала в эти годы свою работу и Комиссия Политбюро ВКП (б) по судебным делам. Она по-прежнему рассматривала приговоры всех судебных органов к расстрелу, прежде всего приговоры судов и трибуналов, чего не прекращала делать и в 1937-1938 гг., но также и - после двухлетнего перерыва - приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР, в тех редких случаях, когда дело рассматривалось не «в порядке Закона от 1 декабря 1934 года».

Таким образом, смягчение репрессивной политики в 1939-1940 годах проводилось в период, когда идейно-политическая борьба во властных структурах была практически завершена, ликвидированы элементы, которые потенциально Председателем Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрихом или Берией со могли бы воспротивиться сталинскому режиму. Как отмечалось выше, волна арестов схлынула в начале 1939 г. Несколько тысяч арестованных в ходе террора были затем освобождены из заключения. Очевидно, Сталин хотел заставить народ поверить, что уже поверженный Ежов был главным организатором террора. Этот маневр был нацелен и на то, чтобы успокоить общественное мнение, ограничить роль карательных органов, а вину за массовые репрессии возложить на Ежова и его команду. Эта уловка имела определенный успех. Перед лицом своей страшной судьбы многие из находившихся в заключении верили в то, что империалисты, осуществляя свой антисоветский заговор, захватили и органы государственной безопасности. Они видели, что коммунисты, такие же, как они сами, уничтожаются в большом числе. Поскольку они также знали, что эти люди не виновны в преступлениях, в которых их принуждают сознаваться, должно было быть какое-то иное объяснение происходящему. Они знали, что фашистские режимы преследуют коммунистов, посылают их в концентрационные лагеря, а отсюда естественным выводом была «фашистская теория» большого террора, что всячески тиражировалось в средствах массовой информации. Следовательно, ослабление репрессивной политики, наметившееся в 1938 г., было обусловлено изменениями партийных кадров различных уровней, кризисными явлениями, наиболее существенно проявившимися в экономической сфере. Однако реабилитация осталась лишь фасадом, за которым продолжала укореняться карательная политика.

PECULIARITIES OF THE SOVIET AUTHORITIES' REPRESSIVE POLICY IN LATE 1930s

M.I. VARVOLOMEeva

Belgorod State University

The article is devoted to the repressive policy of the Soviet authorities in late 1930s. The research is based on the archival materials of the Central Black Soil Region, which allow to reveal the causes and consequences of the Soviet State's repressive policy.

The author comes to a conclusion that the ideological-political struggle has become less rigid in late 1930s and, as a result, policy of terror has softened.

²⁰ Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 года: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. №9.

²¹ Рогинский А. Послесловие // Расстрельные списки. Москва, 1937 – 1941. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000. С.500.